

Воздух в старинном особняке Блэков вечно был густым, словно нерастопленный свинец.

Это было не метафора.

Сириус Блеск точно знал: если бы у воздуха в этом доме был цвет, то это непременно оказался бы тот отвратительный, глубокий, похожий на старые портьеры темно-зеленый оттенок.

Цвет, который так любила Вальбурга.

Даже родовой девиз, вышитый на портьерах, был исполнен в той же гамме — *Toujours Pur*, Всегда чисты, — исполнен с безупречным мастерством, сиял золотом и напоминал крышку гроба, которая никогда не закроется.

Его спальня находилась на третьем этаже в западном крыле и была единственным уголком во всем этом мрачном поместье, совсем не похожим на дом Блесков.

На стене не висел семейный герб, не было тех привычных с самого детства и вызывающих тошноту родовых девизов.

Вместо них красовались плакаты маглских рок-групп, от которых густо пахло типографской краской. Люди на картинках обнимали электрогитары, их брови были дерзко заломлены, а волосы растрепаны безумнее, чем любая шляпа ведьмы из тех, что ему доводилось видеть.

Они открывали рты, будто кричали или пели, и казалось, что сама мелодия вот-вот сорвется с бумаги и снесет всю стену целиком.

Эти плакаты он добывал тайком, пробираясь в маглский мир раз за разом.

Одни он срывал с витрин музыкальных магазинов.

Разумеется, он платил за них.

Другие находил на развалах барахолок — с заломленными углами, следами сырости и даже с каким-то подозрительным бурым пятном на одном из них, но ему было все равно.

Каждый плакат он приносил тайком, за спиной у всей семьи, прикрываясь отговорками вроде «мне нужно в Косой Переулок за ингредиентами для зелий» или «мы договорились с Джеймсом повторить уроки».

Рок-музыка была его оружием против этой тюрьмы.

Эти взрывные, бунтарские звуки, которым было совершенно плевать на чужие мнения, позволяли ему хоть на время забыть, что он — старший сын в роду Блесков, забыть ввевшиеся в плоть и кровь оковы чистой крови, забыть всю эту омерзительную семейную мораль, требовавшую добавлять к каждому слову «мистер» и «миссис».

Вечерний оклик пунктуально прорвал тишину, ударив в стену.

Сириус прислонился к подоконнику, согнув одну ногу в колене, и крутил в пальцах маглскую монету.

Это была десятипенсовая монета с уже затертым до блеска краем, которую он подобрал на улице в Лондоне в прошлом месяце.

Он переворачивал профиль королевы то вверх, то вниз, глядя, как строгое старушечье лицо то появляется, то скрывается под нажимом большого пальца.

Сириус Орион Блеск!

Голос звучал резко и ядовито, в нем слышалось все присущее чистокровной аристократии высокомерие вкупе с жестокостью.

Он пронесся по коридору, взбежал по лестнице, безошибочно отыскал его дверь и с грохотом врезался в дерево, точно тупой нож.

Иногда Сириус думал: будь у голоса Вальбурги материальная плоть, она наверняка обернулась бы ржавым кинжалом — проткнуть им ничего не выйдет, но провести по коже — и мурашки по всему телу обеспечены.

Сколько еще ты собираешься упорствовать в своем безумии!

Он не шелохнулся. Монета продолжала крутиться между его пальцев.

Вся эта маглская дрянь! Все эти сомнительные друзья из Гриффиндора! Немедленно прекрати с ними всякое общение!

Он живо представлял, как мать сейчас стоит у входа на лестницу.

Наверняка руки в бокалы, подбородок вздернут еще выше обычного, губы сжаты в тончайшую нитку, а глаза мечут молнии — так, будто он только что спалил семейное древо Блесков вместо дров.

На следующей неделе состоится чистокровный прием, ты обязан вести себя прилично! — голос взлетел еще на одну ноту выше, и Сириус даже засомневался, не дрожит ли портрет прапрабабушки на стене.

Подружись с мальчиком из семьи Малfoy! Это твой долг! Это лицо семьи Блесков!

Чистая кровь. Чистая кровь. Снова чистая кровь.

Эти два слова стягивали горло железной цепью уже шестнадцать лет.

Человек на плакате рок-группы смотрел на него приоткрытым ртом, словно пытаясь что-то сказать.

Сириус взгляделся в эти броские, прорывающие бумагу дерзкие черты, и вдруг почувствовал, что ему нечем дышать.

В воздухе висел старый, удушливый, тошнотворный запах.

Деревянная дверь тихонько скрипнула.

Ее не распахнули ударом — ее отворили осторожно, оставив лишь узкую щель, в точности как поступает тот, кто творит воровство и при этом боится издать лишний шум.

Регулус Блеск стоял на пороге с чашкой теплой воды в руках. Он казался тоньше Сириуса, плечи уже, а линия подбородка мягче.

Его волосы аккуратно падали на лоб, и весь его облик источал аккуратность, послушание и кротость — вылитый послушный младший сын в глазах Вальбурги.

Брат, — голос Регулуса прозвучал очень тихо, словно он боялся что-то спугнуть. — Мама просто не в духе, не сердись на нее.

Он смотрел на спину Сириуса, и вода в чашке слегка плескалась — то ли оттого, что у него дрожали руки, то ли просто от ходьбы.

Он глубоко вздохнул, будто придавая себе смелости.

Брат, уступи ты маме, — снова произнес Регулус, и в его тоне звучала робкая, исполненная осторожности мольба. — А то она опять разозлится.

Сириус повернул голову.

Но на его лице не было того, что надеялся увидеть Регулус.

Было лишь отвращение.

Ничем не прикрытое отвращение, струящееся из туманно-серых глаз, холодное, как ледяная вода в Запретном лесу зимней порой.

Не нужно твоей фальшивой доброты.

Рука Регулуса замерла.

Его губы шевельнулись, будто он хотел сказать я вовсе не притворяюсь или я просто хотел помочь, но не произнес ни звука.

Он лишь опустил взгляд и сделал шаг назад. Кончики его пальцев слегка сжались, а на чашке остались мокрые следы.

Посмотри, какой у тебя толковый младший брат! А теперь посмотри на себя! — голос Вальбурги донесся с другого конца коридора, став еще пронзительнее, звонче, превратившись в настоящие лезвия.

Регулус — гордость семьи Блесков! А ты — непутевый сын! Позор нашего рода!

Непутевый сын.

Эти два слова упали последней каплей в уже переполнившуюся чашку.

Сириус поднялся.

Он резким движением схватил со стола волшебную палочку — из эбенового дерева, с сердцевинкой из сердечной жилы дракона; рукоять уже успела согреться от тепла его ладони, а на дереве виднелась тонкая трещинка, оставшаяся еще с третьего курса после драки с Джеймсом.

Он не взглянул на бледного Регулуса у дверей, не посмотрел на колышущийся подол черной мантии матери в конце коридора и проигнорировал дрожащие плакаты на стене.

Он направился к камину.

Не шел — летел.

Он даже поленился воспользоваться летучим порохом: эта зеленая пыль вечно сыпалась повсюду и оставляла следы.

Из-за нее мать снова завопила бы ему в спину: ты даже порохом воспользоваться толком не можешь, совсем опозорил фамилию Блесков.

Стиснув палочку, он мысленно произнес заклинание трансгрессии.

В голове билась лишь одна мысль: прочь отсюда. Уйти. Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь.

Пламя в камине взметнулось донельзя высоко, и в следующее мгновение в комнате остались лишь пустой очаг, дрожащие на стене рок-плакаты да безумные, пронзительные крики Вальбурги, разносившиеся по всему старому особняку.

Сириус исчез из этой тюрьмы семьи Блесков, устремившись в никому не ведомый магльский мир.

<http://bllate.org/book/22381/2348019>